

Чарльз Диккенс
Наш докучный знакомец

«ФТМ»

1852

Диккенс Ч.

Наш докучный знакомец / Ч. Диккенс — «ФТМ», 1852

ISBN 978-5-457-31284-5

Чарльз Диккенс - наверное, лучший английский романист Викторианской эпохи. Но удавались ему и рассказы. В них он запечатлевал портреты своих современников - аристократов и простого люда. И для тех, и для других находился свой занятный сюжет.

ISBN 978-5-457-31284-5

© Диккенс Ч., 1852
© ФТМ, 1852

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Чарльз Диккенс НАШ ДОКУЧНЫЙ ЗНАКОМЕЦ

Надо ли говорить, что и у нас есть свой докучный знакомец? Он есть у каждого. Но тот докучный, которого мы имеем честь и удовольствие числить среди наших добрых знакомых, так типически докучен и столько в нем черт, общих, как нам представляется, для всего великого рода докучных, что мы соблазнились избрать его предметом одного из настоящих очерков. Пусть так его и примут – как типическое явление!

Наш докучный знакомец слывет добродушным малым. Он может вывести из себя полсотни человек, но сам не потеряет душевного равновесия. Он сохраняет на лице тошнотно безмятежную улыбку, когда у остальных лица кривятся перед совершенством, достигнутым им в своем искусстве, и голос у него ровный, никогда не сбивающийся с ключа, не повышающийся ни на малую толику. Его тон – тон спокойной заинтересованности. Его суждения никогда не бывают неожиданными. Из всех его глубоко укоренившихся убеждений может быть упомянуто, что воздух Англии он полагает сырым и допускает, что в этом смысле наши веселые соседи – он всегда называет французов нашими веселыми соседями – имеют перед нами преимущество. Тем не менее он не может забыть, что Джон Булль – всегда Джон Булль, где бы он ни был, и что Англия со всеми ее недостатками – все-таки Англия.

Наш докучный много путешествовал. Он никак бы не был законченным образцом докучных, если бы не путешествовал. Касаясь в разговоре своих путешествий, он редко когда не ввернет – зачастую в собственной своеобразной передаче – кое-что на языке той или другой страны, всегда при этом добавляя перевод. Назовите при нем городок Франции, Италии, Германии или Швейцарии, хотя бы самый захолустный, – он его прекрасно знает: прожил в нем две недели при особых обстоятельствах. А раз уж зашла речь об этом городке, так, может быть, вы знаете там статую над старым фонтаном в глубине двора, за вторым... нет, третьим... пойдите... да, третьим поворотом направо, если идти от почтовой конторы в гору, в сторону рынка? Как, и вы не знаете этой статуи? Ни этого фонтана? Удивительно! Туристы обыкновенно не ходят их смотреть (очень странно, но он ни разу не встречал путешественника, который их знал бы, за исключением одного немца, самого умного человека, какого встречал он в своей жизни!), но он думал, что уж вы-то такой человек, что должны были их высмотреть. И он описывает их в обстоятельной получасовой лекции – обычно уже за дверью, которую то и дело отворяют с другой стороны; и умоляет вас, если вы снова посетите тот городок, так уж на этот раз сходите и посмотрите на ту статую и на фонтан!

Равным образом наш докучный, когда был в Италии, открыл страшную картину, которая с тех пор повергает в ужас значительную часть цивилизованного мира. Нам доводилось видеть, как за обедом гости, даже самые оживленные, каменели от нее на другом конце стола. Однажды он блуждал в горах, наслаждаясь целительным воздухом, когда случайно набрел на una piccola chiesa – маленькую церковку – или, пожалуй, правильней будет назвать ее una piccolissima capella, то есть крошечной часовенкой, – и зашел в нее. В часовне не было никого, кроме одного cieco – слепца, – творившего свою молитву, и одного vecchio padre – старого монаха, – громыхавшего кружкой с даяниями. А над головой того монаха, сразу же, как войдете, справа от алтаря... справа от алтаря? Нет. Как войдете, слева от алтаря – или, скажем, ближе к середине, висела картина (сюжет – богородица с младенцем), поражавшая таким божественным выражением лиц, такой чистотой и теплотой и богатством тонов, такую свежестью письма – самый жаркий колорит и вместе с тем монументальный покой, – что наш докучный знакомец вскричал в упоении: «Это самая прекрасная картина в Италии!» И так оно и есть, сэр. Это не подлежит сомнению. Удивительно, что эта картина так мало известна. Даже не установлено, кто художник. Позднее он привел к ней Бламба, из Королев-

ской академии (следует отметить, что наш докучный водит смотреть достопримечательности только видных людей и только видные люди водят с собою нашего докучного), и Бламб был так потрясен, что вы в жизни не видели ничего подобного! Он плакал как дитя! И тут наш докучный приступает к подробному описанию – ибо все предыдущее было лишь введением – и душит слушателей складками пурпурного покрывала.

При столь же счастливом стечении нечаянных обстоятельств нашему докучному, когда он был в Швейцарии, случилось открыть долину, являющую такое великолепное зрелище, что Шамуни перед нею блекнет. Было это так, сэр. Он путешествовал верхом на муле – уже несколько дней не сходил с седла – и вот, когда он и его проводник, Пьер Бланко – вы, верно, знаете его?., ах, нет?., очень жаль, потому что это единственный проводник, заслуживающий так именоваться, – когда они с Пьером спускались под вечер среди этих вечных снегов к деревушке Ля-Круа, наш докучный знакомец заметил горную тропинку, круто заворачивающую вправо. Поначалу он не был уверен, тропинка ли это, и он даже сказал Пьеру: «*Qu'est que c'est donc, mon ami?* – что это такое, друг мой?» – «*Ou, monsieur?* – сказал Пьер. – Где сэр?» – «*La – там!*» – сказал наш докучный. «*Monsieur, ce n'est rien du tout* – сэр, там нет ничего, – сказал Пьер. – *Allons!..* – Поспешим. *Il va nieger!* – Сейчас пойдет снег!» Но нашего докучного на такую удочку не возьмешь, и он твердо ответил: «*Я хочу двинуться в том направлении – je veux y aller. И я твердо на том стою – je suis determine. En avant* – ступайте!» В результате твердости, проявленной нашим докучным, они продолжали, сэр, свой путь два часа при свете заката и три при лунном свете (переждали в пещере, пока взойдет луна) еле приметной тропинкой, лепившейся порою над бездонной пропастью, пока не сошли вниз по головокружительной круче в долину, где, возможно – или, лучше сказать, вероятно, – не побывал до него ни один чужеземец. Какая долина! Громоздились горы на горы, лавины нависали, задержанные сосновым лесом; водопады, шале, горные потоки, деревянные мостики, все прелести швейцарского пейзажа, какие только может нарисовать воображение. Вся деревня высыпала встречать нашего докучного знаконца. Крестьянские девушки целовали его, мужчины пожимали ему руку, старая дама с милым и добрым лицом рыдала на его груди. Его с наивной торжественностью повели в единственную маленькую гостиницу, где наутро он слег и прохворал шесть недель, и за ним ухаживали любезная хозяйка (та самая добрая старая дама, что накануне рыдала у него на груди) и ее очаровательная дочка, Фаншетта. Мало сказать, что они были к нему необычайно внимательны, они в нем не чаяли души. В простоте своей они называли его *l'Ange Anglais* – английским ангелом. Когда наш докучный покидал долину, не было там никого, кто не лил бы слез; многие из жителей провожали его несколько миль. Он просит вас и умоляет, как о личном одолжении: если вы когда-нибудь вновь соберетесь в Швейцарию (вы упомянули, что последняя ваша поездка туда была двадцать третьей по счету), непременно посетите ту долину и впервые в жизни посмотрите на подлинный швейцарский пейзаж. И если вы в самом деле хотите узнать буколический народ Швейцарии и понять его, назовите в той долине имя нашего докучного знаконца! У нашего докучного есть на Востоке необыкновенный брат, который каким-то образом был допущен раскурить трубку с Магометом Али¹ и сразу завоевал авторитет по всем восточным делам, начиная от Гаруна Аль-Рашида² и кончая нынешним султаном. Он придерживается обыкновения в письмах к нашему докучному высказывать загадочные суждения по этим восточным делам, особенно же по вопросам внешней политики; и наш докучный постоянно посылает выдержки из писем в газеты (которые их никогда не печатают), а другие выдержки носит при себе в бумажнике. Поговаривают даже, что его видели в Министерстве иностранных дел, где курьеры кланялись ему самым почтительным образом и немедленно передавали его

¹ *Магомет Али* (1769—1849) – основатель династии египетских королей.

² *Гарун аль-Рашид* – могущественный багдадский калиф, герой сказок «1001 ночи».

карточку в святая святых. Этот восточный брат не раз поднимал в обществе невероятный переполох. Наш докучный всегда держит его наготове. Однажды, слышали мы, докучный, в первой же фразе своего рассказа, натолкнулся в пустыне на высокообразованного молодого отшельника и сразу сбил с него всю самоуверенность, хватив его по голове своим братом. Брат его с той поры, как выкурил трубку с Магометом Али, познал все и вся во внешней политике. Равновесие сил в Европе, происки иезуитов, гуманное и облагораживающее влияние Австрии, позиция и планы высокодушного героя, боготворимого счастливой Францией, – все это для брата нашего докучного знаконца просто как детская книжка. И по отношению к нему наш докучный проявляет даже излишнее самоотречение! «Сам я не притязаю на большее, нежели общее знакомство с этими предметами, – говорит он, доведя чуть не до нервного припадка десяток крепких мужчин, – но таково мнение моего брата, а он, полагаю, всем известен как весьма осведомленный человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.